

Москва, 31 мая — 3 июня 2017

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ВАРИАНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

Пожарицкая С. К. (sofkonst@yandex.ru)

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Добрушина Е. Р. (edobrush@gmail.com)

Православный Свято-Тихоновский Государственный
университет, Москва, Россия

В статье обсуждается статус орфоэпии как научной дисциплины: предмет и границы орфоэпии; характер орфоэпических рекомендаций и эволюция словарных помет в связи с динамикой акцентных и грамматических вариантов литературного произношения. Рассматриваются возможности использования корпусных данных для формулирования некоторых прогнозов относительно динамики орфоэпической нормы.

1. Утверждается, что предметом орфоэпических рекомендаций не могут быть позиционные модификации фонем типа [см']ex/[с'м']ex, которые не фиксируются слухом «наивного говорящего» и не могут быть предметом его сознательного выбора.

2. Предметом рекомендаций и оценки по шкале «старое»/«новое» могут быть варианты слов, отличающиеся звукотипами, как ж[a]лётъ/ж[ы]лётъ, [сейф]/[с'ейф], [ч]то/[ш]то.

3. Акцентные варианты слова являются самым подвижным и востребованным участком орфоэпии. Учитывая динамику конкурирующих вариантов, орфоэпические словари должны избегать запретительных помет, отдавая предпочтение рекомендательным типа «старое-новое».

4. Рассматривая варианты некоторых грамматических форм (*поезжай/езжай, одеть/надеть, тычу/тыкаю, мучу/мучаю, их/ихний поезжай/езжай, одеть/надеть, тычу/тыкаю, мучу/мучаю, их/ихний*), мы приходим к выводу, что данные НКРЯ и сопоставление Основного и Газетного корпусов может дать объективные сведения о современном состоянии орфоэпической нормы и прогнозировать ее динамику.

В заключение следует отметить разницу помет в орфографических и орфоэпических словарях: если орфографическим пометам естественно быть регламентирующими и запретительными, то орфоэпические пометы должны быть по преимуществу рекомендательными, не претендующими на блокирование изменения языка.

Ключевые слова: система, узус, нормативные пометы, динамика, корпус

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 17-04-00517

ORTHOEPEY IN AN ERA OF CORPUS LINGUISTICS: SOME CASE STUDIES IN VARIATION IN STANDARD RUSSIAN

Pozharickaja S. K. (sofkonst@yandex.ru)

Moscow State University, Moscow, Russia

Dobrushina E. R. (edobrush@gmail.com)

St. Tikhon's Orthodox University (PSTGU), Moscow, Russia

We discuss the status of orthoepy as a linguistic discipline; its scope and limitations; the nature of orthoepic prescriptions and the evolution of dictionary marks in its connection to the evolution of the stress and grammar of standard Russian. We consider the use of Russian National Corpus as an instrument of prediction of further orthoepic changes and envisaging prescriptions resulting from this change.

1. Prescription can not apply to contextual modifications of phonemes ([см'] ех/[с'м']ех), because they are not perceived by a "lay speaker", are not subject to his or her conscious choice and can not lead to communicative failures.

2. On the other hand, prescription may apply to variants that are different in 'sound types' (звукотип, e.g. ж[а]лётъ/ж[ы]лётъ, [сейФ]/[с'ейФ], тй[хъй]/тй[х'йй], [ч]то/[ш]то, ё[жж]у/ё[ж'ж']у); these variants may be suggested to represent newer vs. older norms.

3. Stress variants are the most dynamic domain of orthoepy. Special focus is on the change in verbal stress as reflected in the difference between the prescribed vs. real usage and in the chronology of dictionary marks (*дружит*→*дружит*, *родился*→*родѣлся* etc.).

4. The use of the data of Russian National Corpus and, more specifically, comparative analysis of the main corpus and the corpus of newspapers is an important method of analysis of grammatical variation. We consider the competition between such forms as *поезжай/езжай*, *одеть/надеть*, *тычу/тыкаю*, *мучу/мучаю*, *их/ихний* and provide charts showing positive dynamics of the more recent variants.

In conclusion, we stress the difference in the nature of orthographic and orthoepic marks in the dictionaries. Orthographic marks may be prescriptive and prohibitive. Orthoepic marks may only, in most cases, have a status of recommendations; they can not (be regarded as means to) block language change.

Key words: language usage, prescription, linguistic change, corpus linguistics

Орфоэпия не является самостоятельным разделом науки о языке. У нее нет своего отдельного предмета исследования; она вторична по отношению к фонетике, акцентологии, грамматике, возможно — к интонологии, синтаксису и лексике. Это дисциплина прикладного характера, которую называют «правилами пользования устной речью». Вопрос о границах ее применения является предметом дискуссии и определяет различия в содержании орфоэпических словарей. В их названиях обычно присутствует слово «произношение», которое

имеет неопределенный смысл (от индивидуальных особенностей артикуляции до выбора лексем), а потому не может считаться термином и не проливает свет на содержание понятия «орфоэпия».

1. Существует устойчивая традиция связывать орфоэпию с фонетикой, понимаемой как изучение и позиционных реализаций фонем, и вариантов фонемного состава слов, хотя второе не является фонетикой в настоящем смысле слова.

Орфоэпический словарь 2012 года (далее ККК 2012) добавляет к этому проблемы ударения. Словарь 1983 г. (далее ОС-83) включает также варианты грамматических форм слов, и Р. И. Аванесов пишет по этому поводу: «Объем понятия орфоэпии не является вполне устоявшимся. Одни понимают орфоэпию суженно, как совокупность норм произношения в собственном смысле слова, исключая из нее вопросы ударения, практически очень важные. Другие, напротив, понимают орфоэпию очень широко — как совокупность не только специфических норм устной речи (т.е. норм произношения и ударения), но также и правила образования грамматических форм (ср., например, в русском языке *свечей* или *свеч*, *колыхáется* или *колы́шется*, *тяжелée* или *тяжéле*), которые в равной мере относятся также и к письменному языку. Такое понимание представляется наиболее целесообразным» (Аванесов 1984: 13).

Поле деятельности орфоэпических рекомендаций или границы орфоэпии следует определять в связи с функцией орфоэпии как практической дисциплины, цель которой — в ситуации вариативности и возможности (потребности) выбора рекомендовать говорящему оптимальный («правильный») звуковой состав слова либо место ударения в нем. «Правильный» звуковой облик слова выявляется в процессе коммуникации, который должен быть бесконфликтным, — этим определяется диапазон вариативности звучания. Но звуковой состав слова усваивается в основном путем подражания; в процессе речи он воспроизводится автоматически и может контролироваться сознанием только тогда, когда различие достигает уровня звукотипов. Так, различие безударных гласных в системе экающего и икающего вариантов литературной нормы [н'и^е]сú / [н'и^ь]сú не фиксируется слухом «наивного говорящего», не приводит к сбою коммуникации, и орфоэпическая рекомендация в этом случае не имеет смысла. Так же обстоит дело и с разницей в степени позиционно обусловленной мягкости [с] / [с'] / [с''] в слове *смех* в отличие от самостоятельной (фонематической) мягкости согласного в [се]ссия / [с'е]ссия, а также с составом гласных звуков в многосложном слове, например, *многоквартирный*: [мнòгъ]квартíрный / [мнъгъ]квартíрный. Изобилие предударных гласных в разговорной речи может компенсироваться эллипсисом слога — [мнъг]квартíрный — без ущерба для восприятия смысла.

Коммуникативный конфликт, который проявляется в негативной реакции пассивного участника акта коммуникации, может быть спровоцирован динамикой узуса, как *е[ж̣]у* / *е[ж̣]у*, *ти[х̣ь]* / *ти[х̣'ь]*, либо привнесением элемента другой фонетической системы, как *стри[г'òт]*, *но[γ]á* или [н'е]сú, [н'ò]сú, [н'а]сú. Первое заслуживает оценочной словарной пометы по шкале «старое» — «новое», второе — как элемент иной системы — не является предметом орфоэпии.

Для описания позиционно обусловленных (фонетических) вариантов существует термин **орфофония**. Так, С. С. Высотский пишет: «У славистов есть понятие не только орфоэпии, но и орфофонии. Лингвисты время от времени об этом напоминают. Вот Дмитрий Николаевич Ушаков давно уже об этом хлопотал, чтобы лингвисты не путали эти понятия. И Надия Александровна Янко-Триницкая писала об этом, чтобы не путали по плохой традиции разные вещи, когда к фонетике относят фонемный состав слова, что на деле принадлежит области лексики и морфологии, а не собственно фонетике, не живому произношению» (Высотский 1984: 24).

Идея существования двух разных объектов описания и, соответственно, двух разных научных дисциплин лежит в основе описания ленинградского произношения (называемого Петербургской нормой) Л. А. Вербицкой: «Исходя из понимания фонемы представителями ленинградской фонологической школы, можно сказать, что орфоэпия занимается выявлением фонемного состава слов (например, в слове поэт есть фонема /а/, а не /о/: /рает/, а не /роет/, орфофония занимается вопросами качества произнесения отдельных звуков, а именно тем, как должен произноситься тот или иной звук (например, в слове поэт /а/ — гласный открытый, после губного согласного /р/ несколько огубленный, начальная фаза этого гласного более задняя, чем стационарный участок и т. п.). В самом общем виде можно сказать, что орфоэпия — это правила, определяющие нормативный фонемный состав слова, а орфофония — это правила произношения вариантов фонем» и далее: «Сознательной кодификации подвергается именно орфоэпия, так как фонемный состав слов хорошо осознается носителями языка» (Вербицкая 1976: 27).

Транспонируя этот текст на идеологию Московской фонологической школы и заменяя в ряде случаев слово «фонема» словом «звукотип», можно согласиться с тем, что орфоэпия и орфофония имеют разные объекты исследования, при этом орфофония допускает оценку только по шкале «старое-новое», а орфоэпия может оценивать варианты по шкале «правильно-неправильно», если имеет к тому объективные основания.

2. Мена звукотипов обычно осознается говорящими и может быть предметом выбора и оценки по параметру «правильно-неправильно», которые обычно совмещаются с оценкой по шкале «старое-новое», например: *ж[а]леть / ж[ы]леть*, *е[жж]у / е[ж'ж']у*, *[ч']то / [ш]то*, *ти[х'ь]й / ти[хъ]й*, *[т]error / [т']error*.

Трудность получения сведений о звуковых и акцентных вариантах для формулирования орфоэпических рекомендаций состоит в том, что здесь не применим прямой опрос: у говорящих часто отсутствует адекватное представление о звуковом составе произносимых ими слов, поскольку на это накладывается зрительный, орфографический облик слова. Об этом свидетельствуют известные случаи несовпадения между реально практикуемым произношением и тем, как его декларирует сам говорящий (это называют одним из парадоксов социолингвистики). Так, при составлении «Вопросника по современному русскому произношению» всего 18,5% опрошенных заявили, что они произносят мягкое [з'] в слове *зверей*, а в магнитофонной записи произношения тех же лиц

оказалось 72% случаев мягкого [з'] в этом слове (Барина, Ильина, Кузьмина 1971: 325). Близкие к этому результаты показывает и сопоставление акцентных вариантов, реально употребляемых (*actual usage*), с теми, которые говорящий считает правильными и приписывает себе (*reported usage*).

С этим связан главный вопрос орфоэпии — о критериях оценки существующих произносительных вариантов. В дискуссиях на эту тему выявляются две позиции, одну из которых называют субъективной, другую — объективной.

2.1. Субъективной называют позицию априорного представления о нормативности, основанного на традиции, следовании образцам и авторитетам и личном вкусе автора рекомендаций. К этому отрицательно относились в свое время еще А. М. Пешковский и А. А. Шахматов, говоря о «литературно-языковом идеале»: «Первой и самой замечательной чертой его является поразительный консерватизм, равному которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. «Правильной» всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» (Пешковский 1959 : 55), и «Главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление» и далее: «Странно было бы вообще, если бы ученое заведение вместо того, чтобы указывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить» (Шахматов 1899 : 30). Тем не менее, такой способ оценки вариантов продолжает существовать.

2.2. Объективная оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом социолингвистических исследований, которые на материале русского языка были начаты в 60-е годы XX-го столетия под руководством М. В. Панова. Они выявили сдвиги в произносительном узусе середины XX-го века по сравнению с концом XIX-го, («младшая» и «старшая» орфоэпические нормы) и определили пути дальнейших исследований, которые могут быть продолжены возможностями корпусной лингвистики; в частности, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и других (например, ГИКРЯ), а также путем специально создаваемых для конкретных задач баз данных (см., например, Перова, Бондаренко, Добрушина 2016).

3. Акцентные варианты слова являются самым «востребованным» и самым сложным участком орфоэпического нормирования, поскольку тенденции изменения акцентных норм реализуются на конкретных лексемах и постепенно распространяются на другие слова той же грамматической категории. При этом рекомендации словарей обычно отстают от узуса, а их предпочтения часто не имеют объективных оснований. «Отсутствие фиксированного места ударения, разноместность его делает ударение в русском языке индивидуальным признаком каждого слова» (Аванесов 1984: 13).

Происходящие здесь процессы неоднородны: наблюдается усиление подвижности ударения в одних классах слов (именах) и стабилизация — в других (глаголах). Так, в акцентной парадигме существительных мужского рода

происходит смещение ударения на окончание в субпарадигме мн. числа и мена <и> на <a> в им. мн. у многосложных имен: (*ли́фты* / *лифты́* и *трéнеры* / *тренерá*); в глаголе наблюдается сдвиг ударения с приставки на основу в субпарадигмах прошедшего времени глаголов типа *нали́ть*, *перене́ять* и с окончания на основу — в парадигме глаголов типа *дру́жить*, *звони́ть*, *включи́ть*; ударение переходит с возвратного постфикса на основу: *родилс́я* / *роди́лся*. При этом данные опросов и наблюдений показывают существенные расхождения между нормативными пометами словарей и узусом. Так, по данным Э. Марклунд Шарарповой, форму *нали́л*, имеющую в разных словарях пометы *доп.* и *разг.* при нормативном *на́лил*, употребляют и признают правильной 92,5% говорящих; *отда́л* (*доп.*, *разг.*) — 64,5% (N *отдал*); *роди́лся* (N *роди́лся* и *родилс́я*) — 93,5%; *нача́лся* (*неправ.*) — 58,5% (N *началс́я*); *включи́шь* (*неправ.*, *разг.*) — 85,8% (N *включи́шь*); *позво́ним* (*не рек.*, *простореч.*) — 32% (N *позво́ним*) (Marklund Shararova 2000).

Динамику акцентных вариантов форм презенса глагола *дру́жить* показывают словари:

Табл. 1. Динамика акцентных вариантов презенса глагола *дру́жить*²

	дру́жит	дру́жит
Словарь 1847	N	-
Огиенко 1914	N	-
Ушаков 1935–1940	N	-
БАС 1950–1965	N	просторечие
Аванесов-Ожегов 1960	N	и допустимо
МАС 1957–1961	N	N
Ожегов-Шведова 1972	N	N
Горбачевич 1973	устаревающее	N
ОС 1983	допустимо устаревающее	N
РПП 1996	устаревающее	N
БАС 2006	перех. устар. ²	N
ККК 2012	—	N

Акцентная динамика этого глагола просматривается и по акцентологическому корпусу НКРЯ: из 23-х форм со старым акцентом типа *дру́жит* 8 зафиксированы в XIX в., 12 в XX в. и 3 в XXI в., при этом количество форм с новым акцентом преобладает в 11 раз (252). Они появляются в 20-е годы XX в., составляя 20% от общего их количества и оставляя 80% на долю XXI века. форм с новым акцентом типа *дру́жит*.

Орфоэпические рекомендации относительно места ударения должны учитывать направление и темпы происходящих изменений и избегать запретов в тех случаях, когда изменение системно; так, «запретительная» помета ОС 83 *неправ.* для формы *включи́т* заменена на «разрешительную» *и допуст. младш.* в ККК 2012, и дальнейшее продвижение «новых» форм таких глаголов в направлении нормы не подлежит сомнению.

² В словарной статье *дру́жить* примеры из А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова.

Орфоэпические прогнозы относительно конкурирующих вариантов часто переоценивают значение системы и недооценивают власть узуса, и нельзя согласиться, например, с А. Б. Шапиро, когда он говорит: «Даже если девяносто процентов будут говорить *документ*, это не может стать литературной нормой» (цит. по Крысин 2004: 294–310). Почему? Никаких системных запретов здесь нет (правда, большая часть имен на *-мент* имеет ударную финаль), а 90% говорящих — это уже норма, и остается только понять причину ее становления.

4. Варианты грамматических форм, обсуждаемые с позиций «правильно — неправильно»

4.1. Императив глаголов *ехать*, *ездить* (*езжай?* *поезжай?* *ехай?* *едь?* *езди?*). В Грамматическом словаре А. А. Зализняка относительно *ехать* говорится: «... повел. нет (в знач. повел. употр. поезжай [также простореч. ежай], с отрицанием не ежди)» (Зализняк 2016 : 684). Но рекомендуемая нормой форма *поезжай* находится вне системы, поскольку в СРЛЯ отсутствуют соотносительные с ней формы **поезжать*, **поезжаю*³, в этом смысле у нее нет преимущества перед отвергаемой нормой формой *езжай*, которая тоже не имеет опоры в виде **езжать*, **езжаю*. Обе формы аномальны по отношению к системе, однако частотность *езжай(те)* имеет положительную динамику, а *поезжай(те)* — отрицательную. При этом в Основном корпусе НКРЯ нормативная форма *поезжай(те)* имеет некоторое преимущество (60% : 40%), а в Газетном, который в большей степени ориентирован на язык СМИ XXI века — наоборот (20% : 80%)

Рис. 1. Частота форм *поезжай(те)* / *езжай(те)* в Основном корпусе НКРЯ

Таким образом, учитывая динамику варьирующихся форм, словарные рекомендации относительно их употребления несомненно заслуживают смягчения.

³ Заметим, что в севернорусских Архангельских говорах отмечаются редкие императивы *поезжай* и перех. *новезай*, *понесай*, полная парадигма которых неизвестна (и есть ли она?).

4.2. Динамику изменения формообразовательного класса с устранением чередования демонстрирует вариативное деепричастие глагола *тыкать* «указывать»: формы *тыкая(сь)* / *тыча(сь)*.

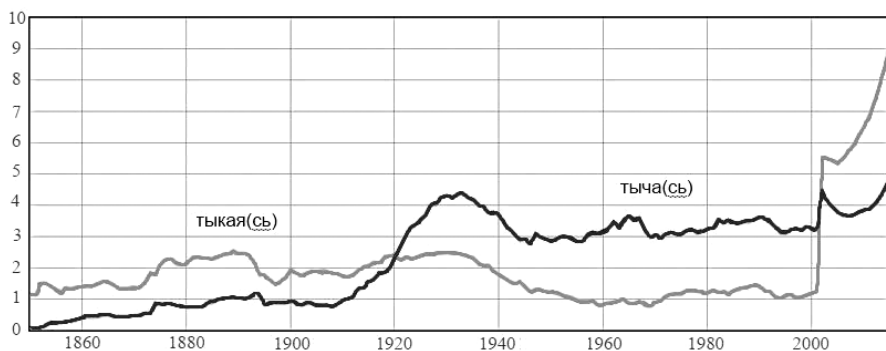

Рис. 2. Частота деепричастий *тыкая(сь)* и *тыча(сь)* в Основном корпусе НКРЯ

Как видим, «новая» форма *тыкаясь*, уже в середине XIX века имевшая преимущество перед «старой» формой *тычась*, уступила ей в 20-е годы XX века, а в начале XXI «взяла реванш» в виде резкого скачка опережения. Однако, судя по данным ГИКРЯ, можно думать, что здесь кроется не выявленная нами разница между спонтанной речью: *тыча(сь):тыча(сь)* — (60:40 из 11700) и профессиональной: *тыча(сь):тыча(сь)* — (26:74 из 800).

4.3. Варианты ударения в формах презенса глаголов *мучусь ... мучатся* и *мучаюсь ... мучаются* ОС-83 дает как равноправные, однако судя по корпусным данным, их узуальный статус различен: «новые» формы типа *мучаю* сменяют «старые» типа *мучу*, и процесс вытеснения форм *мучусь, мучатся* новыми *мучаюсь, мучаются* происходит очень интенсивно и практически уже закончен: в Газетном корпусе «старых» форм ничтожно мало: для инфинитива *мучать*: *мучить* 97 : 3 (из 1861), для презенса *мучаются* : *мучатся* 96 : 4 (из 372) в КЖЗ и 86 : 14 (из 14237) в КЖЖ.

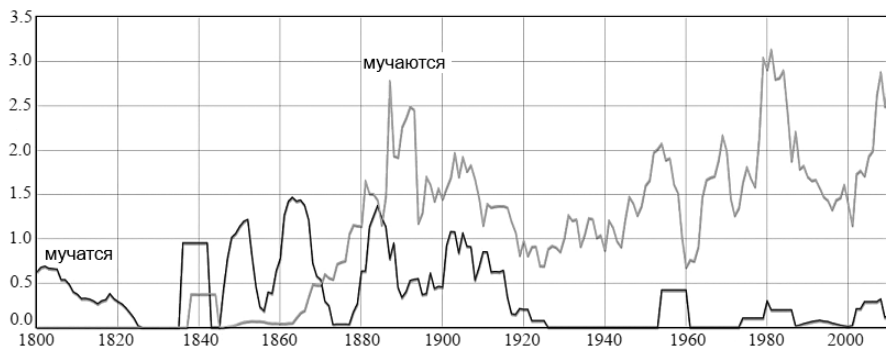

Рис. 3. Частота форм *мучатся* и *мучаются* в Основном корпусе НКРЯ

Тем самым, орфоэпическая рекомендация, уравнивающая статус старой и новой форм, должна быть скорректирована в пользу новой.

4.4. Однокоренные глаголы *одеть* и *надеть* конкурируют в аналогичных контекстах: *надеть шапку / одеть шапку*. Реально существующее семантическое различие между этими глаголами, узаконенное нормой как необходимость говорить *одеть ребенка, но надеть шапку*, не ощущается говорящими как значительное; игнорирование его не провоцирует коммуникативного конфликта, и это различие стирается в современной речи, как устной, так и письменной. При этом «агрессивное поведение» наблюдается со стороны *одеть* и возможности сказать *надеть / одеть шапку*, но только *одеть ребенка*. Вытеснение *надеть* его «парой» *одеть* наблюдается по крайней мере с 40-х годов XIX века, ср: (1) *А какое платье вы оденете в четверг?* (И. И. Панаев 1840), (2), *одев очки* (Н. А. Некрасов), *одеть пальто* (Ф. М. Достоевский), *одевши на себя две шубы* (Н. И. Костомаров, 1862–1875), и возрастает не ослабевающими темпами. Исследованная А. А. Бонч-Осмоловской представительная база интернет-текстов XXI века (комментарии, живые журналы и т.д.) показывает равноправие глаголов при прямых дополнениях со значением артефактов, и это один из примеров победы узуса (имплицитной нормы) над декларируемой эксплицитной нормой (Бонч-Осмоловская 2008).

4.5. Стойко отрицательная помета *неправ.* при местоимении *ихний* как варианте личного и притяжательного *их* завоевала в речевой практике некоторое право на существование в «отпочковавшемся» значении «чуждый, принадлежащий другой культуре»: в исследованном (Добрушина 2014) Газетном корпусе из 151 обнаруженных форм *ихний* 30% зафиксированы в контекстах на тему правильности речи или в качестве речевой характеристики некультурных персонажей, а остальные 70% имеют относительное значение: (1) *все больше «ихние» Анджелины да Памелы...* (о западных актрисах), (2) *у ихних «франклинов» с «рузельтами»* (о долларах) (3) *интересна мотивация ихнего Первого* (о немецком Первом канале телевидения), (4) *не устраиваем бузу на нашей Болотной или ихней Уолл-стрит* и т.д. При этом если в художественных текстах второй половины XIX в. *ихний* в устах персонажа является знаком разговорной речи, возможно, в рамках литературного языка, то в XXI веке *ихний* как вариант притяжательного *их* находится за рамками литературной нормы. Но нельзя исключить возможности того, что в будущем *ихний* войдет в нормативные словари с положительной пометой в этом специальном значении.

Краткий обзор актуальной орфоэпической практики и соотнесение ее с корпусными данными показывает следующее:

- содержание орфоэпических словарей должно определяться практическими вопросами, возникающими в связи с реально существующей вариативностью фонемного состава слов, места ударения и структуры грамматических форм;
- учитывая динамику смены вариантов, пометы орфоэпических словарей должны иметь по преимуществу рекомендательный, а не запретительный характер;
- нормативные рекомендации словарей подлежат контролю корпусными эмпирическими данными, и нет сомнений в целесообразности их использования в практических целях.

Литература

1. *Аванесов Р. И.* (1984). Русское литературное произношение. Москва.
2. *Аванесов Р. И., Ожегов С. И.* (1959). Русское литературное произношение и ударение. Москва.
3. *Баринова Г. А., Ильина Н. Е., Кузьмина С. М.* (1971). О том, как проверялся вопросник по произношению // Развитие фонетики современного русского языка. М.
4. БАС (1948–1960). Словарь современного русского литературного языка: В 17 томах. Москва-Ленинград.
5. БАС (2006) — Большой академический словарь русского языка. т.5 (ред. К. С. Горбачевич) СПб.
6. *Бонч-Осмоловская А. А.* (2006). Практика против грамматики: «одеть» и «надеть» в современном русском языке // Собрание сочинений: к шестидесятилетию Льва Иосифовича Соболева. Москва.
7. *Вербицкая Л. А.* (1976). Русская орфоэпия. (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы), Ленинград.
8. *Высотский С. С.* (1984) О московском народном говоре // Городское просторечие. Проблемы изучения. Москва.
9. *Горбачевич К. С.* (1973). Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник, Л.
10. *Добрушина Е. Р.* (2013) Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией или Двести лет вместе с ихней. // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2(26). :181–204.
11. *Зализняк А. А.* (1977). Грамматический словарь русского языка. Москва.
12. *ККК* (2012)— Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Москва.
13. *Крысин Л. П.* (2004) Языковая норма в проекции на современную речевую практику, Русский язык сегодня, № 4, Москва.
14. МАС (1957–1961)— Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х томах. Москва.
15. *Огиенко И. И.* (1914) Русское литературное ударение (справочник и словарь русского ударения), Киев.Русский язык по данным массового обследования. Крысин Л. П. (ред) Москва.
16. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* (1972) Словарь русского языка, Москва.
17. ОС (1983) — Аванесов Р. А. (ред.) Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. Москва.
18. *Перова Д. М., Бондаренко К. Е., Добрушина Н. Р.* (2016) База данных для исследования вариативности твердых/мягких согласных перед е в заимствованных словах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» 2016. Вып. 15, Москва.
19. *Пешковский А. М.* (1959) Объективная и нормативная точка зрения на язык. Пешковский А. М. Избранные труды. М.

20. РПП — Введенская Л. А., Червинский П. П. (1996). Русское произношение и правописание. Словарь-справочник. Феникс, Ростов-на-Дону.
21. Словарь 1847 — Востоков (ред.) (1847) Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук, Типография Императорской академии наук, СПб.
22. Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940. (4 т.).
23. Шахматов А. А. (1899) Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана, План нового Академического словаря с точки зрения иноязычного, Записка И. Х. Пахмана, Сб. ОРЯС ИАН LXVII (1).
24. *Marklund Sharapova Elisabeth* (2000) Implicit and Explicit Norm in Contemporary Russian Verbal Stress, *Studia Slavica Upsaliensia*. 40, Uppsala.

References

1. *Avanesov R. I.* (1984), Standard Russian pronunciation [Russkoe literaturnoe proiznoshenie]. Moscow.
2. *Avanesov R. I.* (ed.) (1983) Orthoepic dictionary of Russian. Pronunciation. Stress. Inflection [Orfoepicheskii slovar' russkogo iazyka. Proiznoshenie. Udarenie. Grammaticheskie formy], Moscow.
3. *Avanesov R. I., Ozhegov S. I.* (1959) Standard Russian pronunciation and stress [Russkoe literaturnoe proiznoshenie i udarenie].
4. *Barinova G. A., Il'ina N. E., Kuz'mina S. M.* (1971) How the pronunciation questionnaire was checked [O tom, kak proverialsia voprosnik po proiznosheniju] Evolution of modern Russian phonetics [Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo jazyka], Moscow.
5. BAS (1948–1960) — Dictionary of modern standard Russian: in 17 volumes [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 tomakh]. Moscow—Leningrad.
6. BAS (2006) — The Great Academic Dictionary of Russian. V.5. SPb [Bolshoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 5 (Gorbachevich K. S. ed.) SPb.
7. *Bonch-Osmolovskaja A. A.* (2006). Usage vs. grammar: «odet'» and «nadet'» in modern Russian [Praktika protiv grammatiki: «odet'» i «nadet'» v sovremenom russkom jazyke], Collected Works: In honor of Lev Iosifovich Sobolev [Sobranie sochinenij: k shestidesiatiletiju L'va Iosifovicha Soboleva], Moscow.
8. *Gorbachevich K. S.* (1973) Difficult cases of word usage and competing norms in standard Russian. A reference dictionary [Trudnosti slovopotreblenija i varianty norm russkogo literaturnogo iazyka. Slovar'-spravochnik], Leningrad.
9. *Dobrushina E. R.* (2013) Intuitive norm vs. codifying norm, or Two hundred years together with ихний [Mezhdju normoj-intuiciej i normoj-kodifikaciej ili Dvesti let vmeste s ihnij]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* — [Russian language and linguistic theory], 2013. no 2 (26), pp. 181–204.
10. *Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F.* (2012). A comprehensive dictionary of Russian orthoepics [Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo jazyka], AST — Press, Moscow.

11. *Krysin L. P.* (2004). Language norm as projected on modern language usage [Jazykovaja norma v proektsii na sovremennuiu recheviju praktiku], Russian language today [Russkii jazyk segodnia], no 4.
12. *Marklund Sharapova Elisabeth* (2000) Implicit and Explicit Norm in Contemporary Russian Verbal Stress, *Studia Slavica Upsaliensia*. 40, Uppsala.
13. *MAS* (1985–1988), Dictionary of Russian, in 4 volumes Evgen'eva A.P. (ed.) [Slovar' russkogo jazyka v 4 tomakh], Russkii jazyk, Moscow.
14. *Ogienko I. I.* (1914) Stress in standard Russian (reference dictionary of Russian stress) [Russkoe literaturnoe udarenie (spravochnik i slovar' russkogo udarenija)]. Kiev.
15. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* (1972), Dictionary of Russian. Moscow. [Словарь русского языка] 1972.
16. *Perova D. M., Bondarenko K. E., Dobrushina N. R.* (2016). A database for variational studies of palatalized/velarized consonants preceding [e] in loanword [Baza dannykh dlia issledovaniia variativnosti tverdykh/miagkikh soglasnykh pered e v zaimstvovannykh slovakh], Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016” [Komp'yuternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoi Konferentsii “Dialog 2016”], Vol. 15, Moscow. pp. 528–539.
17. *Peshkovski A. M.* (1959) Objective and prescriptive view on language [Ob'ektivnaja i normativnaja tochka zrenija na jazyk], Peshkovski A. M. Selected works [Peshkovskii A. M. Izbrannye trudy], Moscow.
18. *Shakhmatov A. A.* (1899) A few words on I.Kh. Pahman's notes. Plan of a new academic vocabulary from the point of view of a foreign [Neskol'ko slov po povodu zapiski I.Kh. Pakhmana, Plan novogo Akademicheskogo slovaria s točki zrenija inojazychnogo], Note by I. H. Pahman [Zapiska I. Kh. Pakhmana], Coll. ORYAS IAN LXVII (1).
19. *Ushakov D. N.* (ed.) (1935–1940) Dictionary of Russian (Tolkovyj slovar' russkogo yazyka).
20. *Verbitskaia L. A.* (1976) Russian orthoepy (Towards experimental phonetic studies of the modern pronunciation standard) [Russkaia orfoepiia (K probleme eksperimental'no-foneticheskogo issledovaniia osobennosti sovremennoi proiznositel'noi normy)]. Leningrad.
21. *Vostokov A. Kh.* (ed.) (1847) Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences [Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk]. St. Petersburg.
22. *Vvedenskaja L. A., Chervinsky P. P.* (1996) Russian pronunciation and spelling. A reference dictionary [Russkoe proiznoshenie i pravopisanie. Slovar'-spravochnik]. Feniks, Rostov-na-Donu.
23. *Vysotsky S. S.* (1984) On Moscow vernacular [O moskovskom narodnom govore], Urban vernacular. Issues in empirical research [Gorodskoe prostorechie. Problemy izucheniia], Moscow.
24. *Zaliznyak A. A.* (2016) Russian grammatical dictionary [Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka], Russkij jazyk, Moscow.